E 95/105

2007081206

Е 95
105

Д. Дубенский

ГУБЛИЧ. И РУМЯНЦОВ. МУЗЕЙ * БИБЛІОТЕКА

ОБЪ

ЯРОСЛАВОВОЙ ПРАВДѢ

XI-го ВѢКА.

Первое изданіе Судной Ярославовой Грамматы, одного только въ ней отдѣленія, извѣстнаго намъ подъ именемъ *Русской Правды*, а по харатейному списку, принадлежащему нашему Обществу, подъ заглавіемъ: „Судной Оутягалной Грамоты“ (см. Рус. Дост. ч. II, стр. 239), принадлежитъ Августу Шлецеру (Спб. 1767 г.). Эта Правда, по словамъ издателя, состоитъ изъ двухъ законовъ, выбранныхъ изъ Новогородскаго лѣтописца (Попа Іоанна) XV в. (между 1425 и 1437 годами): *Закона Ярославова* и *Закона Изяславова*; писана полууставомъ, на тряпичной бумагѣ, весьма четко; статьи не были отдѣлены, равно какъ и слова; но они имѣли ударенія, двоякое е, о, ерикъ и сокращенія. По всему этому Шлецеръ заключалъ, что извлеченіе его изъ лѣтописи XV в. есть Русская Правда, данная въ XI-мъ в. „отъ В. Кн. Ярослава Владимирича и сына его Изяслава Ярославича.“

Эту самую Правду (Татищевскій Академическій текстъ), изданную Шлецеромъ, Эверсъ въ сочиненіи своемъ: „Древнѣйшее Русское Право въ историческомъ его раскрытіи (пер. Платоновымъ. Спб. 1835, стр. 300)“ называетъ первоначальною, или подлинною, именно тою самою безъ всякой перемѣны, которую, будто бы, далъ Великій Ярославъ Новогородцамъ. Она сохранилась въ одномъ спискѣ [1]. Всѣ другія чтенія, извѣстныя подъ на-

[1] Шлецеръ говоритъ, что у него были еще два списка, совсѣмъ новые, и откуда списаны, неизвѣстно; они много разнились отъ Новогородской лѣтописи. Эверсъ приводитъ, что были такіе списки, и

званіемъ Русской Правды, которыя стали появляться въ послѣдующихъ изданіяхъ, на пр. въ 3-й части Продолженія Рос. Вивліоѳики и др., Эверсъ относитъ къ позднѣйшей редакціи, именно къ XIII-му вѣку. Ярославъ, говоритъ онъ (стр. 302), не могъ быть творцемъ столь обширныхъ и столь подробныхъ законовъ. Краткость и простота суть неотъемлемыя принадлежности первобытныхъ Уложеній: таковъ текстъ Шлецеровской Правды.

Ежели будемъ слѣпо вѣрить Эверсу, то у насъ Русскихъ Правдъ не одна, но двѣ или нѣсколько: т. е., Правда 1-я и 2-я XI-го вѣка (стр. 309, Др. Рус. Пр. пер. Платонова), Правда XIII-го в. (стр. 367), другими словами: Правда Ярославова, Правда Изяславова, Правда Всеволодова, Правда Влад. Мономаха. Къ разряду послѣднихъ причисляетъ Эверсъ Синодальную Руськую Правду, изданную въ первой части Русскихъ Достопамятностей подъ заглавіемъ: „*Судъ Ярославль Володимирица*“ (Москва, 1815) и сомнѣвается, чтобы она обнародована была Правительствомъ (стр. 368). Онъ находитъ вѣроятнѣйшимъ, что это трудъ частныхъ людей [1], собиравшихъ отдѣльно, выходившія по временамъ, поста-

---

отсылаетъ къ Прод. Др. Рос. Вивл. ч. I-я Спб, 1786 г., гдѣ помѣщено новое изданіе Правды съ замѣч. Татищева; при чемъ поименованы два списка Правды (вѣроятно тѣ, о которыхъ говоритъ Шлецеръ, см. выше). Во 2-й части сего Продолженія, прибавляетъ Эверсъ, гдѣ сообщается Новгородскій лѣтоп. тотъ самый, который Шлецеръ означаетъ: „Новгородскій I-й,“ и находитъ весьма важнымъ (Несторъ I, стр. V, введ. стр. кд. и ρξг.), предложенъ законъ Ярославовъ въ исторической связи произшествій непосредственно за вышеприведенными словами лѣтописца, но присовокуплены къ нему также и распространенія.

[1] Эверсъ (стр. 369) надпись при Кормчей XIII в., гдѣ сохранилась эта Судная Граммата Ярослава: »написаны быша книгы сія повелѣніемъ Благовѣрнаго Князя Новгородскаго Дмитрія (сына Невскаго) и положены быша въ Церкви Св. Софія на почитаніе священникомъ, и на послушаніе крестьяномъ,“ относитъ не къ Правдѣ Ярославовой, но къ другимъ 10 сочиненіямъ, съ ней помѣщеннымъ. Ниже (стр. 370) Эверсъ же говоритъ другое, что подлинность Синодальнаго списка въ знатной части Россіи была признана самимъ Правительствомъ. Чему вѣрить? Къ такимъ противорѣчіямъ увлекся онъ мыслію, что Правда Шлецерова есть подлинная Ярославова Граммата!

повленія. Вотъ почему, прибавлятъ онъ, не всѣ, извѣстные намъ списки Правды, имѣютъ одинаковую полноту, и что рубрики не вездѣ слѣдуютъ въ одинаковомъ порядкѣ (стр. 368 и 369). Эверсъ не подозрѣвалъ даже послѣдовательности въ законахъ Ярославовыхъ, по видамъ пошлинъ расположенной!

Безъ сомнѣнія, онъ отнесъ бы къ этому разряду и Судную Ярославову Грамматy, которую ИМП. Общ. Ист. и Древ. Росс. напечатало во 2-й части Рус. Достопамятностей по своему харатейному списку, заключающую двѣ Правды: *Рускую* и *Божію*, если бы ему она была извѣстна. Не смотря, что законъ Ярославовъ является здѣсь въ настоящемъ своемъ образѣ, не отрывкомъ и не сборникомъ, но грамматою, какъ ему, по вѣку появленія своего, слѣдовало быть, наши Историки ставятъ себѣ въ невѣжество упоминать о немъ: такъ Эверсъ убѣдилъ ихъ! Какую Правду, спрашиваютъ они, писалъ Ярославъ: ту ли, которую принимаютъ Болтинъ, Карамзинъ и Калайдовичъ? Нѣтъ, не ту, отвѣчаютъ они же; ихъ Правда не извѣстно когда составлена: первоначальная Правда найдена Татищевымъ и издана имъ и Шлецеромъ.

Ко мнѣнію Эверса въ наше время пристalъ Тобинъ въ сочиненіи своемъ: Die Blutrache nach dem altem Russischen Rechte, Dorpat, 1840. Почитаю долгомъ съ своей стороны сказать что-нибудь въ защиту Судной Ярославовой Грамматы, носящей на себѣ, вмѣстѣ съ Синодальною Правдою, признаки, подходящіе ближе къ первообразу по языку и подробностямъ, согласнымъ со всѣми явленіями Русской жизни, какъ она представляется у лѣтописцевъ нашихъ. Впрочемъ, имѣя предъ собою подлинный харатейный памятникъ въ формахъ, вѣку приличныхъ, я все далекъ отъ того, чтобы почитать сохранившійся въ немъ списокъ Ярославовой Грамматы, какъ она напечатана въ Русскихъ Достопамятностяхъ, тождественнымъ съ предполагаемою грамотою, которую далъ Ярославъ Новгородцамъ въ 1016 году. Эти послѣдніе искомые законы по самому назначенію своему — быть постоянно дѣйствующими, т. е., не историческими, не могли долго сохранять своего первообразнаго характера, какой они имѣли въ началѣ XI в. въ строжайшемъ графическомъ смыслѣ [1]. Нѣкоторые изъ нихъ при

[1] Эверсъ (на стр. 300) утверждаетъ, что „Грамота Ярославова, данная Новгородцамъ въ 1016 году, скоро сдѣлалась статьею древности, почему и утратилась изъ многихъ списковъ.“ Но списокъ

самомъ Ярославѣ могли быть пополнены, и слѣд. измѣнить свой прежній видъ; но пополненія не уничтожали подлинныхъ словъ законодателя; наша первая Судная Граммата оставалась всегда тою же, и чѣмъ была при Ярославѣ, и чѣмъ сдѣлалась въ послѣдствіи юридически: т. е., дѣйствующимъ закономъ, и въ теченіе вѣковъ сохранилась въ народной памяти подъ названіемъ *Ярославовой*.

Мы должны были догадываться, гдѣ кончилась настоящая Несторова лѣтопись; такъ она непримѣтно связана съ его продолжателями; этого не видимъ въ Судной Ярославовой Грамматѣ: какія въ ней были дѣланы перемѣны, кѣмъ и когда, это мы читаемъ во всѣхъ спискахъ Ярославова Закона. Остальное все, безъ сомнѣнія, принадлежитъ первому нашему законодателю: „*а ино все ꙗкоже Ꙗрославъ судилъ, тако и сынови єго оуставиша.*“ Понимаю это такъ, что преемники оставили Ярославову Граммату въ томъ видѣ, какъ она дана была въ XI в., не перемѣнили въ ней ни одного слова, но, вмѣстѣ рядомъ съ его текстомъ, ставили свои отмѣтки, на пр. „аци гдѣ налѣзеть оудареныи своєго истьця, кто оударилъ, то оубити єго“— это подлинныя слова Ярослава; „но сынови по отци оуставиша на куны“—это слова, въ послѣдствіи прибавленныя. Такъ вся Судная Граммата въ томъ видѣ, какъ она дана сыномъ Владиміра Новгородцамъ, находится въ полной; чтобъ имѣть ее, стоитъ отдѣлить въ ней не многое, прибавленное дѣтьми и преемниками Ярослава. Этотъ, ничего не стоющій, выборъ и ни къ чему не ведущій, сдѣлалъ Попъ Іоаннъ, лѣтописецъ Новгородскій XV в., въ пользу читателей своего историческаго труда. Предъ глазами у него лежало полное Русское, древнее законоположеніе; т. е., со всѣми измѣненіями, которыя оно испытало на вѣковомъ своемъ поприщѣ; взявши на себя обязанность историка, Попъ Іоаннъ понималъ, что лѣтопись не есть настоящее мѣсто такой Грамматѣ; ему бы пришлось тогда утверждать, что Ярославъ далъ Новгородцамъ Граммату, въ которой находится: „а се покони вирнии по Ярославѣ..... а се оуставъ Володимеровъ....“ и пр.; необходимость заставила его выкинуть все, по его намѣ-

---

Попа Іоанна (Правды) буквально содержится весь во всякой Правдѣ подлинной, какъ выборъ изъ нихъ; слѣд. все, что можно сказать о послѣднихъ, тоже должно сказать и о первой (Шлецеровской): что она не дѣлалась статьею древности, не утратилась и пр.

ренію, противорѣчившее его цѣли. Такъ вышли изъ-подъ его пера три Правды [1]: двѣ напечаталъ онъ рядомъ—*Роськую* и *Роуськую;* пропущенныя имъ статьи—о залогахъ, о процентахъ, о банкротахъ, о кабалѣ, о наслѣдствѣ, о холопствѣ и др. оставлены, по видимому, на долю Правды Мономаховой: вотъ что обнаруживается изъ разсмотрѣнія мнимой XI-го вѣка Ярославовой Правды, работы Попа Іоанна! Можно ли послѣ этого, опираясь на такомъ сомнительномъ спискѣ, спрашивать: какую Правду писалъ великій Ярославъ, или предполагать, что у насъ есть Правды XI-го в. Попа Іоанна, и XIII и XIV вѣковъ, неизвѣстно кѣмъ составленныя? Сравните ихъ всѣ — это одно и тоже не только по духу закона, почти слово въ слово! По всему видно, что одинъ государственный умъ раскрылъ полную, по идеѣ вѣка, мысль свою на скрижаляхъ древнихъ законовъ нашихъ, объявшую всѣ тогдашнія состоянія и судныя дѣла ихъ; вѣнценосные преемники I-го Русскаго Законодателя пополнили нѣкоторые законы, но ничего не выкинули. Ярославова Грамата прошла нѣсколько вѣковъ, рядомъ съ жизнію Руси, раздѣляя съ ней судьбу ея, и сошлась, подъ конецъ, съ нашимъ новѣйшимъ Законодательствомъ — съ Судебниками и Уложеніемъ.

Правда Ярославова мнимая XI в. въ Шлецеровомъ изданіи названа Роською; она, по счету Эверса, содержитъ 17-ть статей; Правда Изяславова подъ заглавіемъ: „*Правда оуставлена Роуськой земли, егда ся съвокоупилъ Изяславъ, Всеволодъ, Святославъ* и пр.," заключаетъ, по Эверсу же, 18 статей; оба вмѣстѣ законоположенія 35 статей: подлинная Ярославова Грамата представляетъ ихъ до 60, по счету издателей.

---

[1] Поводомъ къ такому раздѣленію Ярославовой Правды на три закона, по видимому, было свидѣтельство лѣтописца, съ котораго списывалъ Попъ Іоаннъ, что Ярославъ далъ Новгородцамъ „*Правдоу и Оуставъ списавъ.*" Дѣйствительно, первый законъ въ лѣтописи Новогородской *Попа Іоанна* содержитъ самое законоположеніе, а второй есть уставъ о пошлинахъ: (Правда оуставлена); но писецъ не вникнулъ, что Судъ Ярославовъ и Уставъ о пошлинахъ есть одна Грамата. Ниже у него же въ лѣтописи сказано послѣ словъ—давъ Правдоу и Оуставъ списавъ — „по сеи Грамотѣ ходите, яко же писахъ вамъ, такоже дерьжите;« слѣд. его Правда Ярославля, и Правда оуставлена—одна Грамата; подлогъ видѣнъ: какъ же въ Граммату, данную Ярославомъ, зашла Грамата дѣтей его?

Въ Шлецеровомъ изданіи обѣихъ Правдъ, Ярославовой и Изяславовой между уголовными законами нѣтъ третьей: *о разбойникахъ*, осьмой и девятой *о поклепѣ и сверженіи виры;* четвертая статья Ярославова о поконяхъ вирныхъ отнесена къ Правдѣ Изяслава (ст. 34 по счету Эверса). Если бы Роская Правда была дѣйствительно та самая, которую далъ Ярославъ Новгородцамъ, то нѣтъ сомнѣнія, что мѣсто статьѣ о поконяхъ вирныхъ, какъ уроку Ярославову („*то ти оурокъ Ярославль*," говоритъ Изяславова Правда), есть его Граммата; для чего же въ ней нѣтъ ничего о поконяхъ? Тотъ же вопросъ—для чего статья Ярославова отнесена къ Изяславовымъ законамъ? Вира была при Ярославѣ, какъ при Владимірѣ; въ случаѣ, когда не было мстителей на лицо, брали ее съ головника, или боевника („*оубійцы*," по толкованію Попа Іоанна); слѣд., Уставъ о вирныхъ пошлинахъ долженъ принадлежать Ярославу. Вотъ доказательство, что Попъ Іоаннъ въ этой статьѣ запутался и не нашелся, какъ въ ней отдѣлить, что принадлежитъ Ярославу, отъ того, что сдѣлано по Ярославѣ! — Есть другія несообразности въ этой же самой статьѣ. На примѣръ, вмѣсто древняго слова „*покони*," лѣтописецъ поставилъ „*поклонъ*" (т. е., добровольные дары), очевидно новѣйшее слово, коимъ хотѣлъ пояснить читателямъ своимъ это, въ его время вышедшее изъ употребленія, слово; но его „*поклонъ*" слабо отвѣчаетъ значеніемъ древнему „*поконь*" въ смыслѣ пошлина, поборъ, изпоконъ вѣка уставленный („*кормъ*" — у лѣтописцевъ). Далѣе слова Правды Ярославовой: „конемъ всути овесъ на воротъ" пояснены: „соути имъ на ротъ, колько могоуть зобати:" не уже ли Ярославъ самъ пояснялъ свои слова? „*Вирникоу 60 гривенъ*"; но въ подлинной 16, и то отъ двойной виры. Въ Ярославово время гривна кунъ, вѣроятно, равнялась гривнѣ серебра; въ послѣдствіи при сборѣ виръ и продажъ стали уменьшать гривны серебромъ и, вмѣсто 40 гривенъ кунами Ярославовыми, брали десять гривенъ серебромъ; на это есть примѣры; но чтобы увеличивали гривны кунъ, т. е., вмѣсто 16 или 15 гривенъ Ярославовыми кунами, считали 60, этого нѣтъ нигдѣ. „*Въ же сыры*" т. е, въ дни сырной недѣли, положено въ Шлецеров. Правдѣ въ каждый *рѣзана* (въ подлинной куна, такъ и должно быть), а ниже, въ той же статьѣ, опять читаемъ: „или ся пригоди вговѣніе рѣбами (рыбами)" — это опять тоже, что въ сырную недѣлю: для чего же тутъ на день велѣно брать 7 рѣзанъ, что, будто бы, въ недѣлю составляло 15 кунъ? Повторено также объ съѣстныхъ припа-

сахъ два раза одно и тоже: хлѣба поколькоу моугоуть ясти, и пшена (въ подлинной 7 хлѣбовъ, 7 оубороковъ пшена); ниже— „а борошна [1] (съѣстнаго) колько моугоуть изъясти;“ ежели здѣсь будемъ понимать по Эверсу — „*борошно*“ — стр. 365 — кормъ лошадиной, то и объ этомъ также говорено было выше: („соути конемъ на ротъ“ и пр. см. выше). „*До недѣли же виpоу зберуть вирници*“; здѣсь описка въ словѣ „до недѣли же“ читать надобно: „*донележе*“: все это наводитъ сильное подозрѣніе на Шлецеровскій списокъ Правды!

Въ первой статьѣ Шлецеровой Роьской Правды (Ярославовой) за убивство мужа, между прочими ближайшими лицами, позволено мстить и сестрину сыну, т. е., сестриничу. Важнѣйшіе списки Правды, каковы Синодальный и нашъ, читаютъ здѣсь „*братаничу*“, т. е., братню сынови. Писецъ Шлец. Правды, вѣроятно, полагая, что выше стоящее слово: „*братучаду*“, т. е., второму (и третьему?) колѣнамъ, значитъ: „*сыну брата*“ (племяннику), побоялся оставить лишнее, по его понятію, слово „*братню*“ и замѣнилъ его другимъ — *сестриноу* [2]. Не уже ли Ярославу не было извѣстно подлинное значеніе слова „братучадо“, въ женскомъ родѣ „*братучада*“?

Вторая статья (по счету Эверса) говоритъ: „аще не боудеть кто мьстя“ (подразумѣвая слова предъидущей статьи: „*за мужа, убитаго, мужемъ*“) „то 40 гривенъ.“ Во всѣхъ спискахъ за голову мужа положена двойная вира — 80 гривенъ. Ниже особо сказано въ Шл. спискѣ: „аще боудеть Роусинъ, любо гридінъ, любо коупчина, любо ябетникъ (и пр.), то 40 гривенъ положити зань“. Нельзя также согласиться съ тѣмъ, чтобы слово „*ябетникъ*“, поставленное писцомъ вм. подлинныхъ словъ „*любо тиоунъ*“, принадлежало Ярославу, какъ бы ни приняли его въ офиціальномъ смыслѣ за почетнаго чиновника въ родѣ пословъ Княжескихъ или судебныхъ служителей, и въ неофиціальномъ, бранномъ — наравнѣ съ шильниками и ярыжкою, и какъ бы ни стали пояснять его — Готскимъ ли Aembed (чиновникъ особыхъ порученій), Исландскимъ Ambt — officium, praefectura regis, и Поль-

---

[1] Эверсъ говоритъ Ьогосzно на Польскомъ кормъ лошадиный; но въ Договорной Гр. Олега съ Греками *брашно* — съѣстные припасы.

[2] Болтина соблазнилъ Шлецеровскій списокъ Правды: онъ ввелъ у себя въ списокъ слово „*сестриноу*“ и сбилъ — Розенкампфа.

скимъ gabać — стужать кому, настоятельно требовать (по Линде, Эверсъ); сло́ва этого нѣтъ въ древнихъ нашихъ письменныхъ памятникахъ, доселѣ извѣстныхъ. Въ современныхъ Попу Іоанну Грамматахъ XV в. мы его встрѣчаемъ, на пр., въ Уставной Гр. Ц. Ив. Вас., данной Двинянамъ (см. Рус. Дост. ч. I. стр. 143) „чтобъ на Колмогорахъ на посадѣ и въ станехъ и въ волостехъ ябедниковъ не было". Ябедникъ здѣсь значитъ доносчикъ (міроѣдъ), т. е., отнесенъ къ разряду лихихъ людей наровнѣ съ разбойниками. Эверсъ настаиваетъ, прибавляя, будто бы „Тіуновъ не было при Ярославѣ:" потому что нѣтъ слова *тіунъ* во всей Роьской Правдѣ Попа Іоанна? По этому? По какимъ же образомъ Ярославъ могъ оставить двоихъ сыновьевъ своихъ въ Новѣгородѣ съ Тіуномъ Якимомъ, какъ свидѣтельствуетъ Новгородскій лѣтописецъ? При томъ во всѣхъ спискахъ Правды стоитъ здѣсь слово *тіунъ*, а не *ябетникъ*; можно ли опровергнуть это свидѣтельство однимъ спискомъ XV в., крайнѣ подозрительнымъ!

За тѣмъ въ подлинной Русской Правдѣ слѣдуетъ: „О Ярославѣ пакы совокупишась сыновѣ его Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ: Коснячко, Перенигъ, Никифоръ." Словъ этихъ не могло быть въ Ярославовой Грамматѣ 1016 года; догадливый писецъ придумалъ ихъ обратить въ заглавіе другой Уставной Грамматы, будто бы Изяславовой, и слѣдующія потомъ статьи уголовныхъ Законовъ Ярославовой Правды отнесъ къ особенному составу узаконеній, данныхъ, будто бы, Ярославичами. Кто повѣритъ, чтобы Ярославъ, опредѣливъ виру за голову мужа и людина, ежели не было за нихъ мстителей, не учредилъ дикой виры или виры за княжескихъ — отрока, конюха, повара и другихъ не свободнаго званія, каковы тогда были Княжескіе сельскій, и, ратайный тіуны, Княжьи и Боярскіе землепашцы, ремесленники, кормилица, дядька, холопы простаго народа; ибо и они могли оставаться безродными, и слѣд. не имѣть за себя мстителей? Отмѣнено дѣтьми Ярослава одно *убіеніе*, виры оставались прежніе. При изложеніи Законовъ Ярославовыхъ, приписанныхъ Попомъ Іоанномъ Изяславу, перемѣнены нѣкоторыя выраженія. Вмѣсто „*Княжь мужь*," какъ стоитъ въ подлинникѣ, у Шлецера въ изданіи читаемъ: „*огнищанинъ*."[1] Слово это употреблялось только

[1] Хозяинъ дома съ огнищемъ; огнищане противополагались чернымъ людямъ; ихъ отъ Концевъ избирали въ депутаты.

въ Новогородскихъ лѣтописяхъ, и, казалось, не шло бы для Изяславовой Правды, уставленной для „*Роуськой земли*," т. е., для Южной Руси, а не для Новогородской (объ этомъ Попъ Іоаннъ не подумалъ). Впрочемъ въ настоящей Ярославовой Правдѣ упоминается объ огнищанахъ Княжескихъ, которые, можетъ быть, въ послѣдствіи названы были дворянами Княжескими (П. Г. Р. IV. пр. 114); назовите ихъ житыми людьми, именитыми, нарочитыми гражданами, но чтобы *огнищанинъ* значилъ *мужь Княжь*, или мужь Новогородскій, или Бояринъ, этому будетъ противорѣчить вся наша письменность. Ниже, въ мнимой Изяславовой Правдѣ, читаемъ: „иже оубіютъ огнищанина оу клѣти, или оу коня, или оу говяда, или оу коровьѣ (вм. оу которое) татьбы: то оубити въ пса [1] мѣсто, а тоже поконъ и тивоуницоу (чит. *поконы тивоуницоу*, т. е., *тивуну*);" здѣсь подъ словомъ „*огнищанинъ*" писецъ разумѣлъ людина, человѣка простаго званія, не холопа: въ такомъ смыслѣ за голову огнищанина никакъ нельзя полагать 80 гривенъ. Вмѣсто „*Тіунъ Княжь*," какъ въ подлинной, читаемъ въ Шлецеровской Правдѣ „*подъѣздный Княжь*," это болѣе толкованіе. Вѣроятно писецъ разумѣлъ здѣсь судью, объѣзжавшаго въ его время волости послѣ Петрова дня (П. Г. Р. IV. пр. 116), или судейскихъ отроковъ, которые въ Васильевой Грамматѣ названы дворянами (см. П. Г. Р. V. пр. 244 и Р. Дост. ч. I. стр. 131), или Тіуна, котораго держали Князья, напр., на Торжку, для сбора того, что шло Князю (П. Г. Р. IV. пр. 114), такъ называемаго *Тіуна Государева*; или это былъ Тіунъ, служившій при Намѣстникѣ, — Намѣстничій Тіунъ, Воеводскій (см. Р. Дост. ч. I-я, стр. 127). Или это доводчикъ, т. е., приставъ посыльный, при судьѣ сыщикъ, который ѣздилъ по волостямъ съ паробкомъ и собиралъ свои поборы отъ старостъ; все это лица позднѣйшаго времени. Княжій конюхъ названъ конюхомъ старымъ у стада: — опять толкованіе, значитъ ли это Княжій? При этомъ прибавлено противъ другихъ списковъ: „яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же оубилъ Дорогобоудьци"; когда бы *Изяславова Правда* была точно составлена и обнародована Изяславомъ, могъ ли бы онъ говорить въ ней самъ о себѣ въ третьемъ лицѣ? Скажутъ, это слова братьевъ Изяславовыхъ; но они всѣ трое соединились въ одно время, и слѣд. была одна редакція.

[1] Ярославъ не уничижилъ бы Боярина до такого сравненія. Въ Mater verborum (1202 г.): „ohnisčenin" — libertus, cui post servitium accedit libertas.

Еще страннѣе читать послѣ этого въ Шлецеровой Правдѣ, что будто бы Изяславъ велѣлъ брать пени за убивство Княжескаго коня и смердьяго, кобылы, вола, коровы, трехгодовалаго быка, годовика, овцы, барана; въ подлинной Грамматѣ Ярославовой положено взыскивать эти уроки съ вора, въ случаѣ, ежели бы онъ укралъ ихъ, а не за убивство. Что дѣлалъ воръ съ своею добычею — продавалъ ее или убивалъ, это до закона не могло касаться.

Перейду къ законамъ гражданскимъ суднымъ, не криминальнымъ. Изъ 38 статей, составляющихъ этотъ отдѣлъ судной Ярославовой Грамоты, въ обѣихъ Правдахъ Попа Іоанна помѣщено около 20; нѣтъ 18. Прослѣдимъ статьи Роськой Правды, или Ярославовой, Шлецерова изданія „о *продажахъ*.“

Третья статья Роськой Правды (по счету Эверса) отвѣчаетъ одиннадцатой въ Судной Ярославовой Грамматѣ: „аще придетъ кровавъ мужь (стр. 32 Рус. Дост. ч. II).“ Эта самая статья повторена и въ Изяславовой Правдѣ (ст. 24 у Эверса): комуже она принадлежитъ подлинно — Ярославу или Изяславу? Обоимъ?... Могло ли это быть, когда бы обѣ Правды были подлиннымъ Государственнымъ законоположеніемъ, отъ самаго Правительства обнародованнымъ? Разсмотримъ ее, какъ статью Ярославову. У Шлецера: „или боудетъ кровавъ (выкинуто „*мужь*“) или синь надъраженъ (въ подлинникѣ „*на дворъ Княжь*“), то не искати емоу видока человѣкоу томоу (такъ, вѣроятно, толковалъ писецъ слово „*мужь*“). Аще не боудетъ на немъ знаменіа ни которагоже; толи пріидетъ видокъ: аще ли не можетъ, тоу томоу конецъ.“ Т. е., „избитый до крови мужъ не имѣлъ нужды представлять свидѣтелей“, куда? и какое онъ получалъ удовлетвореніе? Этого не находимъ въ Шлецеровской Правдѣ. Въ Судной Ярославовой Грамматѣ именно сказано (стр. 32): „на дворъ Княжь оже придетъ мужь кровавъ или синь....то... продажа три гривны“, и значится даже изъ послѣдующихъ подробностей, что виновный платилъ обиженному „*оже и билъ*“ удовлетвореніе, которое имѣло особое названіе — *платежь*. Законодатель не говоритъ здѣсь, какъ велика была эта пеня, но по догадкѣ можно заключать, что она равнялась третьей долѣ продажи, поступавшей въ казну. Эверсъ принимаетъ слово „*надъраженъ*“ за подлинное и толкуетъ его—„будетъ избитъ“: ему нужно было утвердить, что судъ производился не на дворѣ Ярославовомъ, но предъ 12-ю присяжными, и что по Ярославовой Правдѣ Князь отъ продажъ ни чѣмъ не пользовался,

все получалъ обиженный. Какимъ же образомъ все получалъ, когда объ Правды Шлецеровскія свидѣтельствуютъ противное? Баранъ (овенъ), на примѣръ, по 31-й статьѣ Изяславовой Правды стоилъ двѣ ногаты; ежели же воръ кралъ барана, то вносилъ за него штрафу ногату (ст. 23 по Эверсу въ Шлец. Правдѣ): не ужели въ одно и тоже время вещь покупалась или продавалась различно, въ цѣну и въ полцѣны?.. Очевидно, что половина цѣны шла на платежъ истцу, а другая поступала Князю въ казну — продажа. Позднѣе тоже читаемъ въ Уставной Грамматѣ Ц. Ив. Вас. (Рус. Дост. ч. I. стр. 126 и 129): баранъ оцѣненъ 6 денегъ, когда поступалъ за него штрафъ въ казну, то за барана брали 3 бѣлки, т. е., три деньги [1].

Статья четвертая Роской Правды, отвѣчающая также одиннадцатой въ Суд. Ярос. Грамматѣ, говоритъ: „оже ли себе не можеть мьстити, то взяти емоу за обидоу три гривнѣ, а лѣтцю мъзда". Въ Суд. Яр. Грамматѣ: „ожели оударить мечемъ, а не потнеть на смерть, то три гривны". Эверсъ переводитъ: ежели кто не въ состояніи мстить за себя, то бралъ три гривны, да лѣкарю плата, и заключаетъ, что будто бы по закону Ярославову (стр. 323) обиженный могъ во всякомъ случаѣ мстить оскорбителю на самомъ мѣстѣ; что самаго начала правомѣрности частнаго мщенія еще отнюдь не отваживались подвергать сомнѣнію. Такъ по Эверсу при Ярославѣ было: око за око, зубъ за зубъ. Съ какою же цѣлію введены были имъ же пени за поврежденіе членовъ, какъ свидѣтельствуетъ таже самая Роская Правда? Что за законъ, который даетъ власть самоуправству? Нѣтъ, ежели писецъ хотѣлъ сказать, что Ярославъ предоставилъ на выборъ обиженному мстить за рану, ему нанесенную, раною же, или взять денежное возмездіе за нее, то почему же месть родовая, или кровавая, не имѣла той же свободы? Ежели „*не можеть мьстити себе*" значитъ у него: „не хочетъ мстить за рану, самому ему нанесенную", то это была бы частная сдѣлка, и закону тогда нечего бы дѣлать, ибо не могло быть иску. Или ежели „*не можетъ мстить*" понимать надобно: „не въ силахъ отомстить за себя", то для чего же о мести не говорится при другихъ, важнѣйшихъ поврежденіяхъ? Или, наконецъ, понимать такъ, что истецъ, желая мстить своему обид-

[1] См. статью Д. Ч. Ив. Д. Бѣляева, No. 3-й Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, стр. 18: „Бояромъ шло по 3 бѣлки, а не будетъ бѣлокъ, ино по три деньги."

чику, когда поразитъ его, но не убьетъ до смерти [1], а только ранитъ, то получалъ три гривны за обиду и сверхъ того плату на излеченіе нанесенной раны — и это не возможно: тутъ было равное воздаяніе (talio); пени не могло быть по закону мести, по крайней мѣрѣ платежа. Остается слова: „оже себе не можеть мстити“ (у Шлецера) понимать такъ: законъ запрещаетъ мстить за обиду, то взять три гривны съ обидѣвшаго.

Въ пятой статьѣ (по счету Эверса) противъ другихъ списковъ (см, 33 стр. Суд. Яр. Грам. ч. II Рус. Дост.) прибавлены слова: „*любо жердію любо пястію*“; но за ударъ жердью положено штрафу 3 гривны(стр. 33), а не 12; равно какъ слово „*пястью*“ поставлено по невѣжеству писца рядомъ съ словомъ „*тылеснію*“: это сословы. *Тылесть* — задняя сторона ручной кисти, у Эверса — тупая сторона меча; онъ ссылается на словарь Г. Линде, гдѣ Польское tylec. (Босанское телудѣ, на Русскомъ: *тыліе*) значитъ тупая сторона рѣжущаго орудія. По нашимъ лѣтописямъ мечъ не имѣлъ тупой стороны; въ Лаврентьевскомъ спискѣ (изд. Тимк.) сказано, что Козары говорили: *ѡружье ѡбоюду ѡстро, рекше мечь; мы ся доискахомъ ѡружьемъ ѡдиною стороною, рекше саблями.*“ Далѣе въ той же статьѣ: „*аще сего не постигнуть, то платити емоу то, тоу конецъ.*“ Эверсъ толкуетъ: „если бы его (отвѣтчика) и не настигли, то все онъ долженъ заплатить битому, чѣмъ и кончится дѣло:“ какъ же платить, когда не знаютъ, кто онъ? а ежели знаютъ, то подробность эта „*аще сего не постигнуть*“ лишняя; тогда по третьей статьѣ дѣло рѣшалось, т. е., прибѣгали къ свидѣтелямъ (видокамъ). Въ подлинной другое: не терпя противу тому оударить мечемъ, то вины ему в томъ нитъ, т. е., защищая ли себя, нанесетъ ударъ, то вины тутъ нѣтъ.

Въ шестой статьѣ Роской Правды (Шлецеровой) весьма сомнительны слова: „*оутнеть мечемъ, а не вынемъ его*, любо роукоятью“: какъ проколоть кого необнаженнымъ мечемъ *или рукоятью?* Въ подлинной вмѣсто „*оутнеть*“ читаемъ — „*оударить*“ (см. Р. Дост. ч. II. стр. 31).

Одинъ Шлецеровскій списокъ Правды утверждаетъ въ слѣдующей седьмой статьѣ, что, будто бы, кто „*оутнеть*“ (отрубитъ) руку, то за эту вину платилъ 40 гривенъ, т. е., виру. Нѣтъ, въ подлинной Правдѣ положено за это брать съ виновнаго 30 гри-

[1] Вотъ къ какимъ ужасамъ могъ приводить законъ, допущавшій месть за поврежденія тѣлесныя! Кто въ состояніи за рану въ мѣру отомстить раною?

венъ, т. е., 20 гривенъ (полувирье) въ казну, и 10 гривенъ платежу за увѣчье истцу (см. Рус. Дост. ч. II. стр. 31 и 32). Вѣроятно, въ подлинномъ спискѣ, изъ котораго Попъ Іоаннъ выбиралъ, стояло л҃, вм. м҃, т. е., продажа и платежъ соединены были вмѣстѣ. Какъ Роськая Правда платежъ вездѣ откидываетъ, а говоритъ только о продажахъ, то вотъ доказательство, почерпнутое изъ самого Шлецеровскаго списка, что при Ярославѣ казна пользовалась отъ виръ, и что при томъ штрафъ, равняющійся третьей долѣ продажи, поступалъ въ пользу обиженнаго. Далѣе, у Шлецера прибавлено противъ другихъ списковъ: „аще боудеть нога цѣла, или начьнеть храмати: тогда чада смирять.“ Какъ понимать эти слова? Эверсъ толкуетъ (стр. 311): „если нога останется цѣла или жъ только начнетъ хромать, то дѣтямъ раненаго смирять дерзкаго.“ То есть, прибавляетъ Эверсъ, на стр. 322: „обидчикъ долженъ удовлетворить дѣтей обиженнаго во избѣжаніе послѣдствій частной мести“. Почему же выше не сказано, чтобы дѣти мстили тому, кто отрубалъ руку у ихъ отца? Не ужели тотъ, кто немного прихрамываетъ, несчастнѣе безрукаго? Всего вѣроятнѣе, что писецъ исказилъ здѣсь подлинныя слова: „*а то за вѣкъ і҃ гривенъ*,“ прочтя ихъ посвоему: „*тогда чада смирять*.“

Статья 8: *перстъ оутнеть*,“ и прибавлено (совсѣмъ некстати) „*которыи* любо, то три гривны за обиду.“ Въ подлинной грамматѣ четыре: три гривны продажи, и сверхъ того обиженному платежа — гривна.

Статья 9-я отвѣчаетъ 10-ой въ Судной Ярославовой Грамматѣ, въ коей сказано: оже ли вынезъ мечь, а не оутнеть, то гривноу коунъ. У Шлецера въ его Роськой Правдѣ: „то тъй гривноу положить,“ т. е., выложитъ, заплатитъ; полагалъ законъ, или судья штрафъ, а не виновный; ниже въ 12 й статьѣ той же Правды Шлецеровскаго изданія слово „*положити*“ употреблено въ другомъ смыслѣ, сходственно съ Судной Яр. Грамматою (стр. 10), вм. взыскать: могъ ли Ярославъ употреблять одно и то же слово въ двухъ, совершенно противоположныхъ, значеніяхъ?

Въ 10 й статьѣ Роськой Правды пропущено обстоятельство, что ежели отвѣтчиками будутъ *Варягъ* или *Колбягъ* (не крещенный), то ихъ нельзя обвинять безъ свидѣтелей, и сверхъ того обиженный ими (истецъ) [1] долженъ присягнуть.

---

[1] Въ Суд. Яр. Гр.: „ожели будеть Варягъ или Колбягъ, то полная видока вывести, и идеть на роту.“ Кто? по Грамматическому смы-

Статья одиннадцатая у Шлецера говоритъ: „аще ли челядинъ съкрыется, *любо оу Варяга, любо оу Кольбяга*; а его за три дни не выведоуть, а познаютъ и въ третіи день: то изымати емоу свои челядинъ, а три гривнѣ за обидоу;“ Эверсъ переводитъ: если рабъ укроется или у Варяга, или у Колбяга, и если они послѣ трехъ дней не выведутъ его, а господинъ между тѣмъ опознаетъ его въ третій день, то хозяину взять своего раба, да три гривны за обиду. Здѣсь писецъ замѣнилъ подлинныя слова законодателя: „а заклюти и на торгу,“ другими: „любо у Варяга, любо оу Колбяга“; смыслъ закона сдѣлался темнымъ и сбивчивымъ: съ котораго же дня считать льготные *три дня?* При томъ, если бы челядинъ бѣжалъ не къ Варягу, или Колбягу, а, на примѣръ, къ Русину, то не ужели вины не было? Не менѣе странно и то, что господинъ бралъ своего бѣглаго холопа къ себѣ обратно, и сверхъ того получалъ три гривны, будто бы, за обиду, т. е., почти, треть суммы, чего стоилъ холопъ (10 гривенъ); сколько бы ни были просты обычаи времени Ярославова, но выгода такая могла соблазнять корыстолюбивыхъ. Очевидно, этѣ три гривны поступали въ казну, а не въ пользу владѣльца, чему противное утверждаетъ Эверсъ.

Статья 12-я въ Роской Правдѣ: „аще кто поѣдетъ на чюжемъ конѣ, не прошавъ его: то положити три гривнѣ“; ст. 13-я, „аще поиметъ кто чюжь конь“ и пр. Не одно ли и тоже: *поѣдетъ на чужемъ конѣ*, что *поиметъ чужаго коня?* Въ подлинной Грамматѣ въ другомъ случаѣ сказано: „*погубить конь*,“ нѣтъ слова „*чюжь*“ вмѣсто его прибавлено (чего нѣтъ въ Роской Правдѣ) — „а заповѣсть на торгу:“ слѣд., *погубитъ* коня, значитъ потеряетъ. Возвращеніе потерянной вещи или украденной къ прежнему владѣльцу производилось формою свода. Хозяинъ, признавши у кого свое, спрашивалъ, гдѣ онъ взялъ эту вещь? и велъ его на очную ставку съ тѣмъ лицемъ, на которое ссылался отвѣтчикъ. Если сводъ надобно производить въ одномъ и томъ же городѣ („*мироу*,“ толкуетъ Роская Правда), то истецъ самъ шелъ до конца свода; ежели же сводъ поступалъ въ уѣзды или другія

слу — *истецъ*, но можно ли ему вѣрить? Въ досадѣ или злобѣ онъ могъ рѣшиться присягнуть. По видимому присягали свидѣтели: „полная“ средній родъ множественнаго числа (вм един. *полное число, количество*), глаголъ тогда могъ быть поставленъ въ единственномъ числѣ.

волости, то истецъ, дойдя до третьей очной ставки, бралъ съ этого третьяго лица деньги, чего стоило поличное, и это третье лице обязано было по закону идти до конца, или до настоящаго вора. Истецъ между тѣмъ ждалъ рѣшенія дѣла. Вотъ мѣра Ярославова, замѣчательная по оригинальности своей и простотѣ! Роськая Правда иначе говоритъ, будто бы отвѣтчикъ воленъ былъ идти на сводъ и не идти: „аще не поидетъ, то пороучника за пять дніи.“ Эверсъ переводитъ: „если тотъ не пойдетъ, то обязанъ представить двухъ порукъ на пять дней. Это для того, разсуждаетъ Эверсъ (стр. 328), что отвѣтчикъ не могъ тотчасъ учинить свода за какими-нибудь важными неотвратимыми препятствіями, то могъ требовать срока (стр. 329) доказать правомѣрность владѣнія оспариваемою у него вещію, и въ обезпеченіе представлялъ поручителей.“ Въ настоящей Правдѣ не упоминается совсѣмъ о порукахъ и отстрочкахъ; это позднѣйшая слѣдственная, или судная мѣра. На примѣръ, по Васильевой Грамматѣ (см. И. Г. Р. V. пр. 244, 404, и 361): „*судимые, дававшіе порукъ, оставались свободными.... чрезъ поруку не ковали.... а кто не тутошный человѣкъ, ино его дати на поруцѣ;* „или: „а чего кто имѣтъ искати на нихъ, ино учинятъ имъ срокъ предъ моихъ намѣстниковъ предъ Двинскихъ.“ Или „поимаютъ кого въ пеномъ дѣлѣ въ какомъ ни есть, срокъ ему дать, судью за собою поставить (И. Г. Р. V. пр. 402). Или: „а поимаютъ въ Москвѣ Тверитянина въ пеномъ дѣлѣ, ино его дать на поруцѣ, а искать на немъ во Твери.“ Замѣтимъ различіе: по Ярославовой Правдѣ (не Шлецеровой), когда сводъ поступалъ въ чужія волости (по землямъ), то третій отвѣтчикъ бралъ отъ истца поличное не на поруку, но платилъ за него деньгами (кунами), и съ нимъ (поличнымъ) шелъ до конца свода; по Васильевой Грамматѣ, относящейся къ позднѣйшему времени, ежели отвѣтчикъ принадлежалъ къ другой волости, то ставилъ за себя поруку.

Статья четырнадцатая Роськой Правды составлена изъ двухъ: о тадбѣ и о кунахъ (см. стр. 36 и 43 Р. Дост. ч. II). Въ Судной Ярос. Грамматѣ законодатель говоритъ, что ежели кто купитъ краденое на торгу, и будетъ увѣрять, будто бы не знастъ, у кого купилъ, то долженъ былъ представить двухъ свидѣтелей свободнаго званія или сборщика пошлинъ (мытника), которые бы присягнули за него. Такъ же поступали и тогда, если должникъ запирался. Въ Шлецеровой Правдѣ читаемъ объ этомъ такъ: „аже гдѣ възыщеть на дроузѣ проче (такъ выразилъ писецъ подлин-

ныя слова: *что татебю* — конь, портъ, скотину, куны), а онъ ся запирати почнеть: то ити ему на изводъ предъ 12 человѣка.“ Слово „*изводъ*“ употреблялось въ позднѣйшее время вмѣсто „*сводъ*.“ Въ Грамматѣ Василья Дмитріевича (И. Г. Р. V. пр. 244) сказано: „кто у кого что познаетъ татебное, и онъ съ себя сведетъ до десяти *изводовъ*, полны до чека, ово татя [1]), а отъ того не взяти ничего. Безъ сомнѣнія *изводъ* у Попа Іоанна тоже, что *сводъ;* въ подлинной Ярославовой Грамматѣ видимъ, что при запирательствѣ рота окончательно рѣшала дѣло; слѣд. „ити на изводъ предъ двападесять человѣка“ есть тоже въ Шлецеровой Правдѣ, что въ подлинной „*ити на роту*:“ если это такъ, то для чего писецъ Роьской Правды мудрился, стараясь простое и всѣмъ извѣстное замѣнять спорнымъ и неизвѣстнымъ? Всегда ли по дѣламъ тяжебнымъ присягали у насъ одинаковымъ суднымъ порядкомъ? По лѣтописямъ видимъ, что въ старину рота, или крестное цѣлованіе съ клятвою, производилась предъ приставами; число ихъ съ точностію опредѣлить не возможно; впрочемъ, могло простираться до 12 человѣкъ. Такъ, въ Суди. Ярос. Грамматѣ (Р. Дост. ч. II стр. 182) почему-нибудь сказано: „*попъ иже бываетъ въ послушествѣ, за 12 мужа*“; или у лѣтописцевъ Владиміръ „велѣлъ 12 мужамъ влещи Перуна съ горы по Боричеву на ручей и тети жезльемъ“. Что это за число *двпнадцать?* Эверса увлекла эта подробность къ догадкамъ, будтобы это судъ присяжныхъ (Jury), избранныхъ мужей, представителей всего общества; что при Ярославѣ не было ни судей, ни судовъ, ни приказныхъ служителей, ни истцовъ, ни отвѣтчиковъ, ни имени иска, или челобитной; всякое требованіе было дѣломъ округи, всего общества, образомъ котораго были 12 избранныхъ изъ общежителей мужей и пр., и пр.“ Это хорошо, но гдѣ доказательства? Одинъ Шлецеровскій списокъ, представляющій одни загадочныя слова: „*ити на изводъ предъ 12 человѣка,*“ и только!

Статья пятнадцатая Роьской Правды отвѣчаетъ шестнадцатой статьѣ Судной Ярос. Грамматы (стр. 37) о челядинѣ; у Шлецера „аще кто челядинъ пояти хощеть, познавъ свои: то къ оному вести оу кого то боудеть коупилъ, а тои ся ведеть ко дроу-

---

[1] Ровно 12: не это ли изводъ предъ 12 человѣка у Попа Іоанна? Такое предположеніе, судя по другимъ мѣстамъ, кои толковалъ онъ, очень правдоподобно.

тому, даже дойдетъ до третьего (въ подлинной короче сказано: *то оному вести по купилъ до третьего свода*) [1]; то рци третьемоу: вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ." Это только половина закона, тѣмъ дѣло не прекращалось; въ подлинной Правдѣ законодатель продолжаетъ: „а тъ (третій отвѣтчикъ) идетъ до конечнаго свода, а то (бѣглый) есть не скотъ, ни лзѣ рѣчи: не видѣвъ, оу кого купилъ есмь, но по языку ити до конца. А гдѣ будетъ конечнеи тать, опять вороти челядина, а свои поиметь" (слѣдуетъ пеня). Могло ли это быть, чтобы Ярославъ, излагая дѣло о бѣгломъ холопѣ, не выразилъ вполнѣ силы закона?... Или, начавши судъ о рабѣ, кончилъ бы тѣмъ, что велѣлъ отыскивать денегъ при очевидцѣ: вдаи свои челядинъ, а ты своего *скота* (денегъ) ищи при видоцѣ," говоритъ Шлец. Правда; слѣдствіе было не о деньгахъ, но о бѣглецѣ, кто его смапилъ? Дойдя до конечнаго татя, третій отвѣтчикъ (по подлинной Правдѣ) возвращался въ свой городъ съ бѣглецомъ и воромъ, а не съ деньгами, бралъ назадъ своего челядина, а не деньги, возвративъ господину бѣглеца; между тѣмъ съ татя казна доправляла продажу (12 гривенъ). Повторю, всего этого нѣтъ у Шлецера въ Роськой Правдѣ; равно какъ и другой, особенно любопытной мѣры законодателя: ежели съ бѣглымъ челядиномъ надобно было сводъ вести въ чужую землю, то слѣдствіе прекращалось; отвѣтчикъ представлялъ свидѣтелей или мытника, въ присутствіи которыхъ купилъ раба, возвращалъ его истцу даромъ, понеся убытки на себѣ.

Шестнадцатая статья Роськой Правды „*о холопѣ*" (стр. 5 Р. Дост. ч. II) явно говоритъ противъ подлинности мнимой Шлецеровой Правды XI-го вѣка. Въ ней читаемъ: „или холопъ оударитъ свободна моужа, а бѣжитъ въ хоромъ, а господинъ начнетъ недати его: *то холопа поняти*, да платитъ господинъ зань 12 гривенъ." Пеня положена здѣсь больше, нежели вдвое противъ того, что платили господину за убиство его холопа; возможно ли послѣ этого, чтобы законодатель, взявши пеню, предписалъ силою вынуть холопа изъ дому господина его. Этого нѣтъ въ

[1] Называютъ подлинную Правду распространенною (см. выше); но, сравнивъ текстъ ея съ чтеніемъ Роськой Правды, найдемъ, что она многословнѣе во многихъ статьяхъ своихъ, и включаетъ подробности ненужныя, и даже ребяческія. Слѣд., Шл. Правда есть распространенная, но не полная

настоящей Правдѣ! Слѣдующія за тѣмъ подробности въ той же самой статьѣ Роьской Правды прямо отвергаютъ эту судную мѣру: „а за тымъ, где его (холопа) налѣзоуть оударенын тои моужь, да бьють его.“ Эверсъ переводитъ это: „послѣ ударенный имъ человѣкъ, если встрѣтитъ его гдѣ-нибудь, имѣетъ право бить его.“ Холопъ былъ вытребованъ: „*то холопа пояти*,“ вѣроятно для того, чтобъ его наказать, наказанъ, и возвращенъ господину; за чѣмъ же еще его бить, когда снова онъ попадался на дорогѣ обиженному? Нѣтъ! Попъ Іоаннъ самъ составилъ свою Правду, не понявши силы закона и духа времени: что холопу, по закону Ярославову, запрещалось вылазити на правду; онъ почитался вещью въ домѣ своего господина, а не лицемъ гражданскимъ, что Ярославъ предписалъ не бить его, но убить; слѣд., если онъ вытребованъ, какъ утверждаетъ Роьская Правда, вопреки прочимъ спискамъ, то непремѣнно казненъ смертію: какъ же онъ могъ послѣ этого опять встрѣтиться на дорогѣ съ мужемъ, имъ обиженнымъ? Можно ли послѣ этого одного утверждать, что первоначальная Правда Ярославова есть та, которая помѣщена въ Новогородской Лѣтописи, найдена Татищевымъ, издана имъ и Шлецеромъ. Эверсъ уклонился отъ этого возраженія, не перевелъ словъ: „*холопа пояти*,“ и обманулъ тѣмъ своихъ Нѣмецкихъ читателей.

Пропускаю 17-ю статью Роьской Правды: „*о Копьѣ*,“ которая мало чѣмъ разнится отъ подлинной, равно какъ излишнимъ считаю распространяться на счетъ недостающихъ статей противъ Судной Ярославовой Грамматы въ Роьской Правдѣ; ихъ, какъ выше замѣчено, Попъ Іоаннъ, вѣроятно, отчислилъ на Правду Владимірову. Эверсъ иначе объ этомъ разсуждаетъ. Не подозрѣвая ни малѣйшаго подлога въ Новогородскомъ Лѣтописцѣ, онъ полагаетъ, что вѣкъ Ярославовъ не созрѣлъ еще до полной, или, по его выраженію, до распространенной Русской Правды; вотъ почему, прибавляетъ онъ, нѣтъ ни слова о правѣ наслѣдства въ Роьской Правдѣ. „Доколѣ имущество во всей своей совокупности остается собственностію племени или семейства, дотолѣ законы о правѣ наслѣдства бываютъ совершенно излишни; они становятся необходимыми уже въ болѣе образованномъ состояніи общества (стр. 306, Древ. Р. Прав.).“ Но можно ли предполагать, чтобы вѣкъ Ярославовъ не былъ дальновиднѣе вѣка Олегова? Ежели въ первыхъ договорахъ нашихъ съ Греками при Олегѣ и Игорѣ упоминается о наслѣдствѣ, могло ли это случиться, чтобы въ государственномъ

полномъ взводѣ Русскихъ законовъ пропущены были статьи объ имѣніи, остающемся послѣ умершихъ? Въ Судной Ярославовой Гр. законъ говоритъ: „*аще (кто умреть,) въ Боярстѣи дружинѣ, то за Князя задниця не ищеть; но оже не будеть сыновъ: ино доцери возмуть. Аще кто оумираи раздилить домъ свои дѣтемъ, на томъ стояти; паки безряду оумреть: то всимъ дѣтемъ и самои часть дати души.*“ Въ Договорѣ Олеговомъ читаемъ тоже самое: „*Аще кто умретъ, не урядивъ своего имѣнія, ни своихъ не имать, да возвратитъ имѣніе къ милымъ ближикамъ. Ащель сотворитъ обряженіе, таковый да возметъ уряженое его, кому будетъ писалъ наслѣдити имѣніе его.*“ Сравнивъ этѣ статьи, находимъ на оборотъ, что постановленія, въ нихъ содержащіяся, относятся болѣе къ Русскому Праву, нежели къ Римскому; что они-то устроеніе дѣдне и отне, по которому жилъ Владиміръ Великій и дѣйствовалъ мудрый Ярославъ! Тогда не страннымъ покажется намъ законъ творца Русской Правды, сохранившійся въ его Уставѣ о Церковныхъ Судахъ: „выморочное имѣніе домовныхъ людей церковныхъ и монастырскихъ поступаетъ Епископу (безатщина ихъ — духовныхъ — Епископу идеть).“ Не уже ли Ярославъ, опредѣливъ законъ о наслѣдникахъ по смерти церковниковъ и монастырскихъ служекъ, могъ не упомянуть въ Правдѣ своей объ имѣніи, послѣ Бояръ и Дружины остающемся?

Скажу что-нибудь о гражданскихъ постановленіяхъ, приписанныхъ Попомъ Іоанномъ дѣтямъ Ярославовымъ. Въ Изяславовой Правдѣ (у Шлецера) подозрительны денежныя выкладки. Такъ, на примѣръ, можно ли вѣрить списку, утверждающему, будто бы брали въ одномъ случаѣ за убивство (вѣроятно нечаянное) коня смердьяго 2 гривны, а за кражу коня, важнѣйшее преступленіе по духу древнихъ законовъ, одну гривну? Что бы за украденную ладью платили хозяину ея 30 рѣзанъ тоже, что за гуся и утку? Или, какъ говоритъ Изяславова же Правда (ст. 33): „хто изималъ, томоу 10 рѣзанъ (изъ 60 рѣзанъ), а отъ гривне мечникоу коуна, а вдевятиноу 15 коунъ, а князю 3 гривны. А отъ 12 гривноу емъцю 70 коунъ, а въ десятиноу двѣ гривнѣ а Князю 10 гривенъ.“ Вѣроятно, здѣсь выложена продажа самая меньшая (3 гривны) и самая большая (12 гривенъ); когда Князь получалъ 3 гривны, или 75 кунъ, то мечникъ бралъ 3 куны [1], въ десяти-

[1] По Судн. Яросл. Грамматѣ мечникъ получалъ изъ 40 гривенъ 5 гр. или $\frac{1}{8}$ долю, слѣд. отъ гривны ему шло $3\frac{1}{8}$ куны, а не куна; отъ 12 грив. на его долю приходилось $1\frac{1}{2}$ гривны, а не 12 кунъ.

ну поступало 15 кунъ (т. е. $\frac{1}{5}$ доля изъ 75 кунъ), поемщику $\frac{1}{6}$-я доля, т. е., 10 рѣзанъ; когда Князь получалъ 12 гривенъ, то въ десятину (судебную) по той же раскладкѣ должно идти $2\frac{2}{5}$ — гривны, а не двѣ ровно, поемщику двѣ гривны или 50 кунъ, а не 70. Сомнительно также, чтобы при Ярославѣ вмѣсто кунъ считали рѣзанами, какъ выложены почти всѣ штрафы въ Изяславовой Правдѣ. По всему вѣроятію рѣзанами стали вести счетъ гораздо позднѣе, именно, когда гривна серебра, равнявшаяся при Ярославѣ 25 кунамъ, стала ходить при преемникахъ его сперва за двѣ гривны, т. е., куна стала заключать въ себѣ 2 рѣзаны, потомъ въ XIII в. 4 гривны Смоленскими кунами, и даже во время голода въ 1230 году 7-мъ гривенъ Новгородскими кунами: этѣ $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$. $\frac{1}{7}$, доли Ярославовой куны получили названіе рѣзанъ, отъ слова рѣзъ—процентъ. Брали 10 кунъ съ гривны, т. е., съ 25 кунъ, или 2 съ 5 (таково отношеніе рѣзаны къ ногатѣ), слѣд., съ ногаты рѣзану, двѣ рѣзаны съ двухъ ногатъ, 20 рѣзанъ съ 20 ногатъ, или съ гривны кунъ: тотъ же расчетъ — рѣзана съ двухъ съ половиною рѣзанъ, двѣ рѣзаны съ 5 рѣзанъ, 20 съ 50 рѣзанъ; отношеніе рѣзаны къ ногатѣ 2: 5, къ кунѣ 1: 2. Такъ по 35-й статьѣ Шлецеровскихъ Правдъ: „*а се поклонъ вирныи*,“ можно догадываться, что когда писецъ въ первый разъ вычиталъ кормъ Вирнику въ дни масляницы, то несправедливо клалъ рѣзану на день вмѣсто Ярославовой куны; когда же ниже сталъ вычислять тоже дни сырной недѣли, то положилъ на день 7 рѣзанъ, слѣд., то, что ходила въ Новѣгородѣ куна Ярославова случайно въ XIII в., или $\frac{1}{25}$ доля гривны серебромъ: 49 такихъ рѣзанъ, или Новгородскихъ кунъ должны составить 7 кунъ Ярославовыхъ, а не 15 въ недѣлю, а ежели 15 (14?), то это значитъ, что Ярославова гривна ходила уже въ 1016 г. у Новогородцевъ за двѣ гривны кунами Новогородскими (рѣзанами); но гдѣ доказательтства?

Послѣдняя 35 статья Шлецеровыхъ Правдъ „*а се оурокъ мостьниковъ*“ отвѣчаетъ 49 и 50-й статьямъ Суди. Ярос. Гр. (стр. 105 и 106 Р. Дост. ч. II-я). Въ Изяславовой Пр. „аще помостивше мостъ: взяти отъ дѣла ногата (въ подлинной: „отъ дѣливъ, отъ 10 локотъ по ногати)“ а отъ городници ногата (*куна*, и при томъ при закладкѣ, а по окончаніи получали еще *ногату*); далѣе въ Шлецеровой Правдѣ, „аще боудеть ветхаго моста потвердити нѣколико, досокъ или 3, или 4, или 5: то тоеже.“ Сомнительно, чтобы городнею (зевнья стѣны, срубы мостовыя въ водѣ, рѣжи, сваи) назывались при Ярославѣ доски? —

Сравнивши Шлецеровы Правды Попа Іоанна съ подлинною Ярославовою Судною Грамматою, находимъ, что онѣ не заслуживаютъ той славы, которою пользуются въ ученомъ свѣтѣ. Шлецеръ первый заключилъ по нимъ, что у насъ есть Русская Правда. Кому изъ занимающихся нашими древностями не покажется страннымъ такое громкое ученое заглавіе? Не все ли это равно было бы, когда бы кто сказалъ, что у насъ есть отъ 1229 года подлинный Договоръ съ Ригою: „*а что ся въ кое время начнеть дѣяти*“. У насъ пѣтъ памятника подъ древнимъ заглавіемъ: „*Русская Правда*“; есть Судная Ярославова Грамматa, которая начинается словами: „*Правда Русская*“ (подразумѣвая слова: „*это есть*“) *оже оубьеть мужа* и пр., но это не заглавіе, какъ выставлено у Шлецера, а самый текстъ. Изъ Шлецеровскихъ Правдъ несправедливо выводится, какъ частная месть за тѣлесныя поврежденія, такъ и то, будто бы при Ярославѣ казна не пользовалась ни чѣмъ отъ виръ и продажъ. Еще при Владимірѣ Великомъ снова введена была вира „*оже вира, то на оружьи и на коних буди*“ (стр. 90 Нест. изд. Тимк.) „*И живяше Володимеръ по оустроенью отьню и дѣдню.*“ Не ужели платили родственникамъ убитаго на оружіе и коней? Не справедливо по Шлец. Правдѣ Эверсъ заключаетъ, будто бы Ярославомъ постановлено запутанныя тяжбы (запирательство) рѣшать посредствомъ обращенія къ прежнимъ владѣльцамъ въ присутствіи 12 избранныхъ мужей изъ округи. Какой судъ противъ запирающихся, кромѣ свидѣтелей и присяги? Притомъ, какъ собрать всѣхъ отвѣтчиковъ-владѣльцовъ украденной или потерянной вещи въ одно мѣсто, когда, чтобы дойти до настоящаго вора, надобно было ходить изъ мѣста въ мѣсто, изъ города въ другія волости, отъ лица къ лицу, что образовало не кругъ, или толпу, но послѣдовательную цѣпь изъ 10 или болѣе звеньевъ, въ которой первое звено совершенно не прикасалось къ послѣднему, и даже третье лице отъ конечнаго дѣлалось постороннимъ? Истецъ могъ ждать покойно, сидя у себя дома, окончанія дѣла (прока). Могъ ли Ярославъ за убіеніе мужа, людина и холопа полагать равную пеню 40 гривенъ, и не назначить за окровавленіе и синія пятна никакого штрафу? Могъ ли положить виру за отсѣченіе руки и родовую месть за хромоту: какъ согласить эти крайности? Какимъ образомъ это могло случиться, чтобы истецъ, отыскавши у кого свою вещь, имъ самимъ потерянную, получалъ ее обратно и сверхъ того доправлялъ 3 гривны за обиду: какая тутъ обида мнѣ, ежели я

самъ потеряю вещь свою? Могъ ли Ярославъ, давши право, свободному человѣку, обиженному холопомъ, взять его у господина, говорить потомъ: за тѣмъ, гдѣ его холопа поймаютъ, да бьютъ его; за чѣмъ его ловить, когда можно было по закону вытребовать всегда изъ дому господина? Нѣтъ, словъ: „*то холопа поити*“, не могъ сказать Ярославъ, не долженъ и не говорилъ, какъ свидѣтельствуютъ всѣ подлинные списки Ярославовой Граматы Судной, кромѣ списка Попа Іоанна, и слѣд., списокъ этотъ XV-го вѣка его сочиненія, а не Ярославовъ XI-го вѣка [1]. Тѣже противорѣчія въ Правдѣ Изяславовой. Во второй статьѣ своей (19 по счету Эверса) Изяславъ предписываетъ, что ежели огнищанина убьютъ разбойники, то вервь обязана была платить вирное за его голову: это одинъ случай; потомъ въ той же статьѣ сказано: „*или оубища не ищоуть*“, слѣд., другой случай, и за это то же положена *дикая вира*. Въ подлинной Граматѣ одинъ случай: „аще оубьеть Княжа мужа въ разбои, и боевника не ищють, то вервьную платити, въ которои верви голова лежить.“ Могъ ли Ярославъ утверждать, что за убивство вора, сравненное съ убивствомъ пса, надлежало платить поконы Тивуну (ст. 20); это могло случиться, но только тогда, когда убивали вора связаннаго, о чемъ молчитъ Шл. Правда. Въ свое время знали, что̀ сельскій Тіунъ; за чѣмъ толковать Изяславу, что это староста? Могло ли быть, чтобы за убивство смерда, свободнаго человѣка, наравнѣ, какъ за холопа, брали продажи 5 гривенъ (ст. 21)? Чтобъ за третьяка или трехгодовалаго быка платили 15 кунъ, а за годовалаго 12½ (полгривны)? Все это громко вопіетъ противъ обѣихъ Правдъ XI-го вѣка, прославленныхъ талантами и знаменитыми имснами Шлецера и Эверса.

[1] Списковъ Правды дошло до насъ болѣе 50; отношеніе къ нимъ Шлецеровскаго, какъ 1:50, слѣд., вѣроятность $\frac{1}{50}$ противъ $\frac{49}{50}$: какъ рѣшиться утверждать, что вся справедливость на сторонѣ Шлецеровскаго чтенія, и вся ложь на сторонѣ прочихъ, если они въ чемъ несогласны съ Роською Правдою? Еще непостижимѣе мысль — на нелѣпостяхъ Попа Іоанна возсоздать духъ законовъ и бытъ Ярославова времени, что сдѣлалъ Эверсъ.

(Изъ N0 2-го Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1846, Засѣд. Сент. 28-го дня.)

2007081206